

Д.С. МЕРЕЖКОВСКИЙ: ПИСАТЕЛЬ – КРИТИК – МЫСЛИТЕЛЬ

Сборник статей

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДМИТРИЙ СЕЧИН
ЛИТФАКТ
МОСКВА 2018

Утверждено к печати Ученым советом ИМЛИ РАН
БИБЛИОТЕКА «ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА»

Новая серия. Выпуск 3

Редакторы серии *О.А. Коростелев, С.И. Панов*

Редакционная коллегия выпуска:
*Е.А. Андрущенко, А. Дудек, О.А. Коростелев, В.В. Полонский,
Е.А. Тахо-Годи, А.А. Холиков*

Рецензенты:
*доктор филологических наук О.А. Клинг
доктор филологических наук Д.М. Магомедова*

М52 **Д.С. Мережковский: писатель – критик – мыслитель:**
Сборник статей / Ред.-сост. О.А. Коростелев, А.А. Холиков. –
М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», Литфакт, 2018. – 687 с.
ISBN 978-5-9500994-1-0

В основу первого раздела сборника легли доклады, прозвучавшие на международной научной конференции «Д.С. Мережковский: писатель – критик – богослов. К 75-летию со дня смерти мыслителя», проведенной в Москве 8–10 декабря 2016 г. Институтом мировой литературы имени А.М. Горького РАН совместно с Библиотекой истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» и журналом «Соловьевские исследования». В конференции приняли участие 45 исследователей из девяти стран: России, США, Франции, Великобритании, Японии, Латвии, Польши, Венгрии, Украины. Помимо текстов докладов включены статьи, написанные специально для сборника.

Во втором разделе печатаются неизвестные и забытые тексты Д.С. Мережковского, библиографии публикаций его эпистолярного наследия, а также исследований о его жизни и творчестве.

ББК 83.3

© О. Коростелев, А. Холиков, составление, 2018
© Коллектив авторов, 2018
© Издательство «Дмитрий Сечин», Литфакт, 2018

ISBN 978-5-9500994-1-0

От составителей

Предлагаемое издание – не первый сборник статей о Дмитрие Сергеевиче Мережковском (1865–1941)¹, который состоялся как автор, широко известный не только в России, но и за ее пределами. Его книги переведены на десятки языков. Т. Манн, по собственному признанию, вообще не убирал со стола беспримерной работы Мережковского о Н.В. Гоголе, а Г. Брандес еще в 1903 г. назвал своего современника одним из наиболее видных представителей России. По справедливому замечанию В.Э. Вацура, «Мережковский написал очень много, работал в литературе 50 лет, и его биография – по существу, есть история движения символистов, а полемика вокруг его сочинений – история взаимодействия и размежевания двух литературных эпох. В этом качестве не выступает даже Блок, при всей разнице масштабов дарований»².

Творческое наследие Мережковского, отличаясь разнообразием форм, не уместится в рамки не только литературного, но и культурного поля³. Неудивительно, что к нему обращаются гуманитарии всех мастей: литературоведы, лингвисты, философы, историки, культурологи, искусствоведы. В основу *первого раздела* предлагаемого читателю нового сборника статей и материалов положены доклады, прозвучавшие на международной научной конференции «Д.С. Мережковский: писатель – критик – богослов. К 75-летию со дня смерти мыслителя», проведенной в Москве 8–10 декабря 2016 г. Институтом мировой литературы имени А.М. Горького РАН совместно с Библиотекой истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» и журналом «Соловьевские исследования». Организаторам конференции удалось привлечь ведущих специалистов из России, США, Франции, Великобритании, Японии, Латвии, Польши, Венгрии, Украины. Публикуемые исследования охватывают несколько проблемных полей: особенности поэтики, восприятие культурной традиции – от античности до русской классики XIX столетия,

¹ См. избранную библиографию исследований о жизни и творчестве Д.С. Мережковского в приложении к данному тому (сост. А.А. Холиков).

² Цит. по: В.Э. Вацура: Материалы к биографии. М.: Новое лит. обозрение, 2005. С. 417.

³ См. об этом также в редакционной преамбуле к специальному номеру, посвященному юбилею Д.С. Мережковского: Toronto Slavic Quarterly. 2016. № 57.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей..... 3

I

Е.А. Андрущенко
Текстологические заметки к статье Д.С. Мережковского «Гёте»..... 7

М.С. Баликова
Сферы эстетического и этического в осмыслении Д.С. Мережковского-символиста..... 17

О.А. Богданова
Мережковский-публицист 1917–1918 гг.: диалог с Достоевским..... 27

И.А. Виноградов
«Отрекись от Пушкина!» Требовал ли этого от Гоголя протоиерей Матфей Константиновский? (Источниковедческий анализ)..... 38

А.А. Гапоненков
С.Л. Франк в полемике с Д.С. Мережковским..... 50

С.А. Гарциано
Пореволюционное культурное наследие Д.С. Мережковского на французском языке..... 60

А.А. Гордин
Д.С. Мережковский в Латвии. Рецепция личности и творчества (1920–1930-е гг.)..... 81

Б.С. Дугаров
Буддийская струна в поэзии Д. Мережковского..... 97

А. Дудек
Образ механизмов политики в творчестве Д.С. Мережковского..... 108

Я.Л. Забудская
Вольность и точность в переводах «Медеи» Еврипида:
Д.С. Мережковский, И.Ф. Анненский, И. Бродский..... 125

Л.А. Колобаева
Толстой и Достоевский в оценке Мережковского и в рефлексии поэтов XX века (И. Бунин, И. Бродский)..... 138

Н.Г. Коптелова
Миф о Пушкине в критическом исследовании Д.С. Мережковского «Гоголь и черт»..... 149

Л.Ф. Луцевич
«Исповедь» в биографическом очерке Дм. Мережковского «Августин» ... 157

А.В. Мартынов
«Обидеть больно старого писателя»: Рецепция Дмитрия Мережковского в эпистолярном наследии Ивана Шмелева периода эмиграции 172

М.В. Михайлова
Д.С. Мережковский на страницах Дневника директора Императорских театров В.А. Теляковского 181

В.Э. Молодяков
Д.С. Мережковский и его посмертная борьба с большевизмом: сборник статей «Европа лицом к лицу с СССР» (1944)..... 195

Приложение 1
Зинаида Гиппиус. Европа лицом к лицу с СССР (Перевод Василия Молодякова с французского перевода Жана Шюзвиля)..... 203

Приложение 2
Жан Шюзвиль. Речь, произнесенная 5 сентября 1943 г. на открытии надгробного памятника Мережковскому на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа (Перевод Василия Молодякова)..... 205

Ю.Б. Орлицкий
Особенности стиха Д. Мережковского..... 210

Е.А. Осьминина
Гностическое наследие в прозе Д.С. Мережковского 225

В.В. Петров
«Две бездны» в русской литературной и философской традиции:
Ф. Тютчев, Д. Мережковский и Вяч. Иванов..... 240

<i>А.В. Протопопова (Журбина), О.А. Коростелев</i> «Атлантида» Мережковского: источники и рецепция.....	269
<i>О.В. Пчелина</i> «Бог прошел по миру и оставил следы свои в мире – символы»: символистская концепция Д.С. Мережковского.....	285
<i>С.А. Серегина</i> Эстетика природы Д.С. Мережковского.....	298
<i>А.А. Степачева</i> Образ Джоконды в романе Д.С. Мережковского «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи»: структура, экфрасис.....	307
<i>Б.Н. Тарасов</i> Проблематика религиозной и философской коммуникации в творчестве Д.С. Мережковского на примере его восприятия личности и мысли Паскаля.....	314
<i>В.М. Толмачёв</i> Святой Наполеон Д.С. Мережковского.....	327
<i>Е.В. Хворостьянова</i> Пародии на Д. Мережковского в русской юмористической журналистике 1880-х – 1890-х гг.	336
<i>Приложение</i> Пародии на Д. Мережковского	350
<i>М. Цимборска-Лебода</i> «Рыцарь бедный» или «Странник по пустыням (не)бытия»? Андрей Белый, Вяч. Иванов и Николай Бердяев о Мережковском.....	360

II

<i>Е.А. Андрущенко, О.А. Коростелев, А.А. Холиков</i> Забывтая повесть Д.С. Мережковского	387
<i>Приложение</i> Дмитрий Мережковский. «Самозванец» (<i>Публикация, подготовка текста</i> <i>О.А. Коростелева</i>).....	397
<i>О.А. Блинова</i> Парижская научная библиотека Д.С. Мережковского.....	436
<i>Приложение</i> Список изданий, проданных В.А. Злобиным НБФ в 1950 г.	451

<i>А. Дудек</i> Польские публикации, посвященные Дмитрию Мережковскому (1905–2016): Материалы к библиографии.....	457
<i>Н.Ю. Харитонова</i> Андре Жид – друг СССР. Рождение репутации (К переводу статьи Д. Мережковского)	480
<i>Приложение</i> Дмитрий Мережковский. Андре Жид и СССР (<i>Перевод</i> <i>Н.Ю. Харитоновой</i>).....	492
<i>А.А. Холиков, О.А. Коростелев</i> Публицистика Д.С. Мережковского (1917–1918 гг.)	496
<i>Приложение</i> Статьи Д.С. Мережковского 1917–1918 гг., не включенные в авторские сборники: «14 марта», «Ангел революции», «О патриотизме (Отрывочные заметки)», «Есть Россия», «Упырь», «1825–1917», «Россия будет (Интеллигенция и народ)» (<i>Публикация, подготовка текста</i> <i>и примечания О.А. Коростелева и А.А. Холикова</i>)	511
<i>А.А. Холиков</i> Эпистолярное и связанное с ним наследие Д.С. Мережковского (материалы к библиографии)	565
<i>А.А. Холиков</i> Исследования о жизни и творчестве Д.С. Мережковского (избранная библиография)	572
Именной указатель (<i>Н.А. Дровалева</i>).....	661

Эстетика природы Д.С. Мережковского¹

С.А. Серегина

Аннотация: Предметом анализа в статье является эстетика природы Д.С. Мережковского, материалом – лирика поэта 1880–1890-х гг. В качестве инструмента описания эстетики природы используется понятие *модель природы* (А.Ф. Лосев и М.А. Тахо-Годи). Особое внимание в статье уделяется анализу мотива смерти, образа ребенка и антитезы *человеческое – природное* в эстетике природы Мережковского. На базе анализа представлены основные положения эстетики Мережковского: 1) человек является источником греха и страдания в мире, тогда как природа напоминает ему о времени до начала истории; 2) природа становится зримым воплощением не только эстетических, но и этических законов, задающих безусловную нравственную высоту для отпавшего от природы человека; 3) символический мир природы существует в художественном сознании Мережковского вне времени и в вечном цикле повторения, в стремлении вернуться к статусу «утраченного рая», тогда как реальная природа лишена своей изначальной цельности и гармонии. В заключение делается вывод о том, что Мережковский эстетизирует пространство природы и в его произведениях модель природы имеет намеренно условный характер: с одной стороны, пространство природы удалено от реального, с другой – оно одновременно приближено и к «потерянному раю», и к пространству новой истории. Модель природы Мережковского подразумевает, что полное воплощение и восстановление природы в ее изначальной целостности произойдет в новой истории.

Ключевые слова: Мережковский, эстетика природы, модель, образ, мотив, новая история.

Информация об авторе: Серегина Светлана Андреевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069 Москва, Россия. E-mail: serjogina@mail.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ), проект № 17-18-01432) и в ИМЛИ РАН.

Abstract: The subject of the analysis in the present article is D.S. Merezhkovsky's aesthetics of nature studied on the poet's lyrics of the 1880–1890s. The concept 'pattern of nature' (by A.F. Losev and M.A. Takho-Godi) is used to describe D.S. Merezhkovsky's aesthetics of nature. A special attention is paid to the analysis of the death motif, the image of the child and the antithesis of *human – natural* in D.S. Merezhkovsky's aesthetics of nature. Thus its main statements are introduced. First, a human being is sinful and he is the cause of suffering in the world, whereas the nature reminds him about the time before the beginning of the history. Then, the nature is a visible embodiment of both aesthetic and ethical laws which indicate the absolute morale height for the man who broke away from nature. And lastly, in the Merezhkovsky's creative consciousness the symbolic world of the nature exists in the cycle of eternal return without any time notion, aspiring for the 'lost paradise', whereas the real nature does not have its primordial wholeness and harmony. It is concluded that Merezhkovsky aestheticises the nature and in his poems the pattern of nature is intentionally nominal: on the one hand, the space of nature is far from the real, on the other hand it is close both to the 'lost paradise' and to the space of the new history. Merezhkovsky's pattern of nature means that the complete embodiment and recovery of the nature in its primordial wholeness will only happen in the new history.

Keywords: Merezhkovsky, aesthetics of nature, pattern, image, motif, new history.

The information about author: Svetlana A. Serjogina – PhD, Senior Researcher of A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya str. 25a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: serjogina@mail.ru

Природа как предмет эстетического переживания занимает одно из центральных мест в истории литературы, философии и искусства. А.И. Герцен в «Письмах об изучении природы» писал: «<...> вдохнись в себя влажно-живой, насыщенный дыханием леса и лугов воздух, прислушаешься к дубравному шуму, – и на душе легче, благороднее, светлее; какая-то благочестивая тишина кругом успокаивает, примиряет...» [1, с. 267]. Пожалуй, размышляя о философском и эстетическом сознании Нового времени, можно говорить об общем понимании природы как некоего спасительного пространства, «нравственной силы, облегчающей страдания людей, очищающей душу», как «величайшей моральной силы» и «критерия всякого преобразования в человеке» [2, с. 97].

Известно, что субъективно-идеалистическая философия оказала большое влияние на изображение природы у романтиков. Именно в среде романтиков вызревает интимное и сердечное отношение к природе,

когда пейзаж одновременно вызывает чувственные ощущения и обретает символическое звучание. Здесь же появляется стремление разгадать тайный язык природы как подлинный язык бытия, лишь отчасти проявленный в реальном мире: «То, что мы называем природой, есть поэма, понять которую невозможно, ибо она написана таинственными письменами; если бы мы могли разобрать эту поэму, мы признали бы в ней Одиссею духа, который, предаваясь чудесной иллюзии, ища себя самого, непрестанно создает сам себя. Для художника природа то же, что она и для философа: идеальный мир, непрестанно проявляющийся в конечных формах, бледное отражение мира, который не вне мышления, а в нем самом» [6, с. 396].

В творчестве символистов образы природы становятся еще более герметичными, возможность их адекватного прочтения зависит как от правомерности привлечения того или иного религиозно-философского контекста, так и от понимания авторской символики. В русской литературе символизм не только как стиль и метод, но как мифомышление и *миропонимание* (говоря языком Андрея Белого) во многом определил эстетику природы у постсимволистов.

В качестве инструмента описания эстетики природы Д.С. Мережковского воспользуемся понятием *модель природы*, предложенным А.Ф. Лосевым и М.А. Тахо-Годи в книге «Эстетика природы: природа и ее стилевые функции у Ромена Роллана» (М., 2006), где «модель» понимается как «одухотворенная структура» – «максимально насыщенный, пережитой, глубоко обдуманый и тщательно сконструированный предмет художественного произведения» [2, с. 28].

* * *

Образы природы наполняют лирику Мережковского с 1880-х гг. Программным текстом этого периода следует, вероятно, считать стихотворение «Природа». Модель природы здесь выстраивается в двух плоскостях – неба и земли, соединя метафизическую высоту с предметной конкретикой:

Ни злом, ни враждою кровавой
Доныне затмить не могли
Мы неба чертог величавый
И прелесть цветущей земли [4, с. 36].

Мир природной органики здесь согрет теплом и «лаской» по отношению к человеку, в нем много света («ясной лазури») и нет внутреннего драматизма. Одновременно, это органика, на которой лежит символический отсвет тайны – она существует вне времени и в вечном цикле повторения. Лирический герой сопричастен избранным, постигающим эту тайну вечного возвращения и разгадывающим ее знаки в мире природы:

На те холмы, в леса сосновые,
Там пахнет горькая земля,
Уйти бы в верески иловые
Благодарно и пустынно.

Там безмятежно грустит закатная
И чужденной тоскою,
Свободна в траве свирель мелкая
И непорочна весна.

А лучи блещут светом хвост сокола,
Как светом раскинут, лучи светил,
Курят свои благовония,
Как дым берисенных кадиль.

Д. Мережковский.
22 апреля 1910.

Автограф стихотворения Д.С. Мережковского «На те холмы, в леса сосновые...» (1910), посланный в письме В.Я. Брюсову (НИОР РГБ. Ф. 386. К. 94. Ед. хр. 45).

Нас прежде лаской встречают
Долины, цветы и ручьи,
И звезды все так же сияют,
О том же поют соловьи.

Не ведает нашей кручины
Могучий, таинственный лес,
И нет ни единой морщины
На ясной лазури небес [4, с. 36].

В модели природы Мережковского важен мотив смерти. Смерть – это «отдых упоительный», «лучший дар природы всеблагой» [«Если розы тихо осыпаются...»; 4, с. 38]. Мережковский эстетизирует смерть, но для него это эстетизация фундаментального закона бытия. Эстетика природы – это отчасти эстетика смерти. И наоборот:

Погибший день, ты был ничтожен
И пуст, и мелочно-тревожен;
За что ж на тихий твой конец
Самой природою возложен
Такой блистательный венец? [«Вечер»; 4, с. 41].

Одним из чарующих и сладостных образов смерти для Мережковского является образ падающих осенних листьев:

Падайте, падайте, листья осенние...
Песни поет похоронные
Ветер в лесу.

Тихих небес побледневшая твердь
Дышит бессмертной радостью
Сердце чарует мне смерть
Неизреченною сладостью [«Осенние листья»; 4, с. 48].

Умирание лишено в эстетике природы Мережковского отрицательной семантики, в нем нет обертонов отчаяния и безнадежности. Его природная модель замкнута на саму себя, статична, в ней все задумано гармонично и верно, в ее символической глубине все оправдано и прекрасно. Пониманием этой внутренней оправданности и вызвано восклицание Мережковского: «Покорись же, о дух мой, судьбе / И неведомым силам природы» [«Что ты можешь? В безумной борьбе»; 4, с. 29].

Образы природы и *образ природы* не раз возникают не только в лирике Мережковского, но и в его прозе – «Вечных спутниках». Так, своеобразие и значение фигуры Плиния Младшего Мережковский видит в том, что он «один из первых сумел выразить новое чувство, которому суждено было иметь в тысячи разнообразных форм такое беспредельное значение – *чувство природы*, красоту лесов, гор, полей, морского берега, наслаждение простотою сельской жизни; один из первых противопоставил шуму и суете города тишину и уединение виллы» [3, с. 102]. И.С. Приходько, размышляя о «спутниках» Мережковского, делает тонкое наблюдение: «Его выбор глубоко концептуален. Он продиктован чаще всего внутренним сродством, созвучием творческих и духовных исканий того или иного писателя его собственным» [5, с. 198]. Действительно, размышления Мережковского об эстетике и философии природы идут от Плиния Младшего, через М. Монтеня и Ж.-Ж. Руссо к его собственному внутреннему чувству; через философский анализ – к поэтическому образу. В лирике Мережковского *чувство природы* противопоставлено *дружескому чувству*, что, очевидно, делает все *человеческое* вторичным (если не сказать – ущербным) по отношению к *природному*:

И хочу, но не в силах любить я людей:
Я чужой среди них; сердцу ближе друзей –
Звезды, небо, холодная, синяя даль
И лесов, и пустыни немая печаль...
[«И хочу, но не в силах любить я людей...»; 4, с. 14].

Несмотря на то, что *человеческое* не равнозначно *городскому*, в аксиологии Мережковского оно несет скорее такой же отрицательный знак:

это все *мир, отпавшего от природы человека*, который этой *природе* противостоит:

Но ничто во всей природе
Не мечтает о свободе,
<...>
Только весь свой век
О неведомом тоскует
И на рабство негодует
Гордый человек [«Две песни шута»; 4, с. 33].

Человек является источником греха и страдания в мире, тогда как природа напоминает ему о времени до начала истории:

И вновь, как в первый день созданья,
Лазурь небесная тиха,
Как будто в мире нет страданья,
Как будто в сердце нет греха.
Не надо мне любви и славы:
В молчаньи утренних полей
Дышу, как дышат эти травы... [«Нирвана»; 4, с. 37].

Природа становится зримым воплощением не только эстетических, но и этических законов, задающих безусловную нравственную высоту для отпавшего от природы человека:

Я верю только в голубую
Недосягаемую твердь.
Всегда единую, простую
И непонятную, как смерть.

О небо, дай мне быть прекрасным,
К земле сходящим с высоты,
И лучезарным, и бесстрастным,
И всеобъемлющим, как ты [«Голубое небо»; 4, с. 9].

Мережковский включает в модель природы «блаженных», «беспечных» и «смиранных», «сердцем чистых» «глупцов», обладающих «детской простотой», созвучных тайному движению природы и сопричастных ему. Конечно, он сам оказывается в кругу посвященных и избранных, внешне безвольно плывущих по потоку, но внутренне отвечающих сокровенным законам бытия:

Нас, глупцов, природа любит,
И ласкает, и голубит,
Мы без дум живем,
Без борьбы, послушны року,
Вниз по вечному потоку,
Как цветы плывем [«Две песни шута», 4, с. 34].

В эстетике природы Мережковского очень важен образ ребенка, младенца; все, что связано с *детскостью* равнозначно подлинности, органичности, неиспорченности, изначальности, т. е. образ детства – это практически всегда образ детства человечества, когда «мир» и «природа» были в гармоничной слиянности. Избранные и посвященные в тайну природы хранят в себе эту детскость, а значит и память о детстве человечества и довременной гармонии – то, что забыто и утрачено миром:

С младенчества любезное,
 Нам дорого – пойми –
Одно лишь бесполезное,
 Забытое людьми [«Весеннее чувство»; 4, с. 43].

Этим «бесполезным» и «забытым» оказывается природа, по-настоящему лишь однажды понятая и увиденная – в детстве, но в зрелости ощущаемая как насущная потребность:

Но почки благовонные
 Нужны, – и небеса,
И дымкой опущенные
 Прозрачные леса.
<...>
Как в детстве, все невиданным
 Покажется тогда
И снова неожиданным –
 И небо, и вода [«Весеннее чувство»; 4, с. 42–43].

Постижение природы оказывается возможным только через возвращение к детству, т. е. именно особая детская оптика взгляда позволяет увидеть модель природы в ее подлинности. Так, желание «уснуть навек» (а, значит, и подчиниться фундаментальному закону природы) приходит в детстве, о нем «поет» и «шепчет» природа:

Уснуть бы мне навек, в траве, как в колыбели,
 Как я ребенком спал в те солнечные дни,
 Когда в лучах полуденных звенели
Веселых жаворонков трели
 И пели мне они:
 «Усни, усни!» [«Усни»; 4, с. 39].

Песнями и шепотом с призывом уснуть полна вся природа – «мухи с причудливой окраской», «венчики цветов», деревья и «колосья наливные» [«Усни»; 4, с. 39].

Стихотворение «Ноябрь» (1894) – шедевр лирики Мережковского 1880–1890-х. Здесь смыслы, о которых говорилось выше, обретают окончательную полноту и завершенность. В первых четырех строфах

развернута черно-белая картина умирающей природы, однако она не отмечена какой бы то ни было печалью. Более того, это несомненно (и намеренно) эстетизированное пространство, лишенное цвета как признака изменчивости. Черно-белая законченность рисунка, его утонченная сдержанность дополняются медитативным повторением одних и тех же или близких по смыслу эпитетов – «увядший» / «мертвый» / «умирающий»; «зябкая» / «холодный»; «тихий» / «неподвижный»; «бледный» / «чистый»:

Бледный месяц – на ущербе,
Воздух звонок, мертв и чист,
И на голой, зябкой вербе
Шелестит увядший лист.

Замерзает, тяжелеет
В бездне тихого пруда,
И чернеет, и густеет
Неподвижная вода.

Бледный месяц на ущербе
Умирающий лежит,
И на голой черной вербе
Луч холодный не дрожит [4, 45].

Этот символический пейзаж существует, конечно, не в реальном времени. С одной стороны, это неподвижное, сгущающееся внутри себя время искусства (образ густеющей неподвижной воды). С другой стороны, это время перед Апокалипсисом, поэтому в заключительной строфе возникает образ «потерянного рая»:

Блещет небо, догорая,
Как волшебная земля,
Как потерянного рая
Недоступные поля [4, 45].

Цвет («догорая») появляется только в метафизическом пространстве неба – «покинутой отчизне» [«Старость»; 4, с. 30]. Модель природы Мережковского в своей глубине подразумевает, что полное воплощение и восстановление природы в ее изначальной целостности произойдет в новой истории. В «Вечных спутниках» Мережковский сетует: «<...> Искусство человеческое никогда не получит пальмы первенства в состязании с нашею великою и могучей матерью-природой. Мы до такой степени загромодили красоту и роскошь ее произведений нашими жалкими выдумками, что, наконец, совсем потеряли ее из вида. А между тем только что природе удастся где-нибудь блеснуть в полной чистоте, она тотчас же пристыжает все ничтожные и суетные усилия человека...»

[3, с. 252]. Однако в лирике Мережковский предпринимает попытку получить эту «пальму первенства»: дать эстетизированное пространство природы, с одной стороны, далекое от реального, с другой – приближенное одновременно и к «потерянному раю», и к пространству новой истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герцен А.И. Письма об изучении природы. Письмо первое. Эмпирия и идеализм // Герцен А.И. Избранные соч. М.: Худ. лит., 1937. С. 267–282.
2. Лосев А.Ф., Тахо-Годи М.А. Эстетика природы: природа и ее стилиевые функции у Романа Роллана. М.: Наука, 2006. 419 с.
3. Мережковский Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. СПб.: П.П. Перцов, 1899. 552 с.
4. Мережковский Д.С. Собр. стихов. 1883–1910. СПб.: Просвещение, 1910. 253 с.
5. Приходько И.С. «Вечные спутники» Мережковского (к проблеме мифологизации культуры) // Д.С. Мережковский. Мысль и слово. М.: Наследие, 1999. С. 198–206.
6. Шеллинг Ф.-В.-Й. Искусство и природа // Фуллье А. Отрывки из сочинений великих философов / Пер. с фр. П. Николаева. М.: К.Т. Солдатенков, 1895. С. 396.

REFERENCES

1. Gertsen A.I. Pis'ma ob izuchenii prirody. Pis'mo pervoe. Empiriia i idealizm [The letters about the study of nature. The first Letter. The empirism and the Idealism]. Gertsen A.I. *Izbrannyye soch.* Moscow, Khud. lit. Publ., 1937, pp. 267–282. [In Russ.]
2. Losev A.F., Takho-Godi M.A. *Estetika prirody: priroda i ee stilevyie funktsii u Romena Rollana* [The aesthetics of nature: the nature and its stylistical functions in Roman Rollan's art]. Moscow, Nauka Publ., 2006. 419 p. [In Russ.]
3. Merezhkovskii D.S. *Vechnye sputniki. Portrety iz vsemirnoi literatury* [The Eternal Companions. Portraits from the World Literature]. Saint Petersburg, P.P. Pertsov Publ., 1899. 552 p. [In Russ.]
4. Merezhkovskii D.S. *Sobranie stikhov. 1883–1910* [The collection of poems. 1883–1910]. Saint Petersburg, Prosveshchenie Publ., 1910. 253 p. [In Russ.]
5. Prikhod'ko I.S. «Vechnye sputniki» Merezhkovskogo (k probleme mifologizatsii kul'tury) [“The Eternal Companions” by Merezhkovskii (towards the issue of the mythologization of culture)]. *D.S. Merezhkovskii. Mysl' i slovo* [D.S. Merezhkovskii. Thought and Word]. Moscow, Nasledie Publ., 1999, pp. 198–206. [In Russ.]
6. Shelling F.-V.-I. *Iskusstvo i priroda* [The art and the Nature]. Full'e A. *Otryvki iz sochinenii velikikh filosofov* [The passages from the works of the great philosophers], per. s fr. P. Nikolaeva. Moscow, K.T. Soldatenkov Publ., 1895. 396 p. [In Russ.]

Образ Джоконды в романе Д.С. Мережковского «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи»: структура, экфрасис

А.А. Степачева

Аннотация: В докладе представлен анализ экфрастических фрагментов романа Д.С. Мережковского «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи», а именно описаний знаменитого портрета Моны Лизы. Сделана попытка рассмотреть экфрасис в качестве особого способа организации художественного целого, а также выявить особенности и функции стилизации в данном романе. Являясь финальной точкой в динамике развития образа Джоконды, экфрасис логически «замыкает» мотивно-тематический круг, окружающий Мону Лизу. Под мотивно-тематическом кругом понимаются образы-символы, которые постоянно окружают персонажа в романе. Мережковский вводит световые, звуковые и водные характеристики сознательно и последовательно. В структуру образа Джоконды изначально заложена противоречивость: кто она – живой человек или уже произведение искусства? Так, образ Джоконды и воспроизведенный в романе экфрасис ее знаменитого портрета становятся лишь одной из граней сложного символического фрактала, знаменующего онтологическую борьбу Христа и Антихриста в истории, религии и душе художника. **Ключевые слова:** художественный образ; Леонардо да Винчи; Мона Лиза; Джоконда; экфрасис; символика; Мережковский.

Информация об авторе: Степачева Анна Александровна – студентка филологического факультета Смоленского государственного университета, ул. Пржевальского, 4, 214000 Смоленск, Россия. E-mail: anastepha@yandex.ru

The image of the Mona Lisa in D. Merezhkovsky's novel “Resurrected Gods. Leonardo da Vinci”: structure, ekphrasis

Anna A. Stepacheva

Abstract: The article presents an analysis of the ekphrastic fragments of the Dmitry Merezhkovsky novel “Resurrected Gods. Leonardo da Vinci”, namely, the descriptions of the famous Mona Lisa portrait. The author considers an